

## ОДИН ИЗ НАС



*Кажется, сегодняшняя жизнь уже не оставляет места для экстраординарного. Чудеса, пророки и титаны духа принадлежат прошлому, а мы довольствуемся НЛО и полумифическими эстрадными звездами. Конечно, существует прекрасное современное искусство, но и оно легко поддается рациональному восприятию. Александр Башлачев — исключение. Он, пожалуй, единственный, кто пытался поднять ущербную музу рока вровень с русской культурной традицией. Или наоборот — кто связывал богатство русского духа с большим нервом рок-культуры...*

Сентябрь 1984 года. Разгар очередных гонений на рок. в Череповец меня вытащил Леонид Парфенов — молодая «светлая личность» вологодского областного ТВ. Едва мы провели либеральный диалог, не исключавший права рока на существование (и вскоре

заклейменный местным писателем Беловым как очередная «вылазка»), в студию пришел друг Лени, Саша Башлачев. Невысокий, худой, умеренно длинноволосый, с плохими, как у большинства обделенных витаминами северян, зубами и светлыми, восторженными глазами. Одет он был в те же вещи, что я видел на нем и спустя годы: черную кожаную курточку и джинсы. Плюс рубашка-ковбойка. Не могу сказать, что он сразу произвел сильное впечатление: обычный любитель рока. Сразу же стал расспрашивать о Гребенщикове, назвавшись его большим поклонником... Парфенов остался на службе, а мы пошли гулять по мрачноватому, будто расчерченному по линейке, Череповцу. Дома в Череповце скучные, постройки 30—50-х годов, но весело раскрашенные — чтобы не совсем походило на казармы, наверное. В одном из таких домов, ярко-голубом, Башлачев снимал комнату. Мы сидели там, слушали «ДДТ», и он мне немного рассказал о себе. Двадцать четыре года, родом из Череповца, окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске, работает сейчас корреспондентом районной газеты «Коммунист». Раньше писал тексты для местной группы «Рок-сентябрь»... Увы, знакомая печальная история: вконец истосковавшись в глуши и безвестности, «Рок-сентябрь» послал свои магнитофонные записи на русскую службу «Би-би-си», и диск-жокей Сева дал их в эфир. Радость в Череповце была недолгой: музыкантов вызвали «куда следует» и запретили играть рок. Лидер группы Слава Кобрин уехал в Эстонию, где по сей день играет на гитаре блюз в «Ультима Туле», остальные рассеялись по ресторанам. Эта удачная акция дала право кому-то из Отдела культуры произнести знаменитые слова: «У нас в Череповце с рок-музыкой все в порядке — у нас ее больше нет».



Он продолжал писать стихи, а в мае 84-го, во время II Ленинградского рок-фестиваля, купил гитару и стал учиться на ней играть. Накопилось у него полтора

десятка песен. Мы договорились, что он их споет вечером у Лени Парфенова.

Тот вечер... Мы сидели втроем. Башлачев нравился все больше — в нем не было тягостной провинциальности, не надо было с ним сюсюкать, сдерживая внутреннюю зевоту. Гитару он взял, когда было уже поздно. Извинился, что плохо играет. Мне не показалось, что он очень стеснялся, самоуверенным тоже не был. Вообще пел очень естественно, иногда только со спокойным любопытством поглядывал на нас.

Всего он спел пятнадцать песен — и не могу сказать, что все они были шедеврами. В основном это были ироничные или лирические зарисовки «из молодежной жизни», слегка напоминавшие его же тексты для «Рок-сентября». Написанные прекрасным языком и точные по наблюдениям, они могли бы украсить репертуар любого рок-барда. Было там и несколько «повествовательных» баллад, совсем традиционных, но построенных на блестящих метафорах, раскрывавшихся, как в рассказах О'Генри, в последних строчках.

Из этих, «ранних», песен Саши Башлачева мне тогда больше всех понравились три. Непутевый рок-н-рольный гимн «Мертвый сезон» (или «Час прилива»). Затем «Поезд № 193», чаще именуемый в народе «Перекресток железных дорог», — перехватывающая дыхание, отчаянная песня о любви. «Любовь — это солнце, которое видит закат... Это я, это твой неизвестный солдат». Наконец, «Черные дыры» — самая первая, по словам Башлачева, написанная им песня. И самая простая — но его судьба уже закодирована в ней:

*«Хорошие парни, но с ними  
не по пути.  
Нет смысла идти, если главное —  
не упасть.  
Я знаю, что я никогда не смогу найти  
Все то, что, наверное, можно  
легко украсть.  
Но я с малых лет не умею стоять  
в строю.  
Меня слепит солнце, когда я смотрю  
на флаг.  
И мне надоело протягивать вам свою  
Открытую руку, чтоб снова пожать  
кулак».*

Музыка, к большому удивлению Саши, понравилась тоже, она была и грациозно-мелодичной, и ужасно страстной — короче, не занудные переборы.

В этот же вечер он впервые «на людях» спел «Время колокольчиков» — песню, ставшую потом символом русского рока. Для Саши Башлачева это был прорыв, изумивший его самого. Прорыв из интеллигентного мира «городского фольклора» в буйный, языческий простор русской образности. По этой территории еще не ступала нога ни бардов, ни рокеров.

Он пел в темпе рванувшей удила тройки, и казалось, будто пена летит со сведенных надрывом

губ:

*«...Век жуем матюги с молитвами.  
Век живем — хоть шары нам выколи.  
Спим да пьем — сутками и литрами.  
Не поем — петь уже отвыкли.  
Долго ждем. Все ходили грязные.  
Оттого сделались похожими,  
А под дождем оказались разные.  
Большинство — честные, хорошие.  
И пусть разбит батюшка Царь-колокол,  
Мы пришли с черными гитарами.  
Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл  
Околдовали нас первыми ударами.  
И в груди — искры электричества.  
Шапки — в снег, и рваните звонче-ка  
Рок-н-ролл — славное язычество,  
Я люблю время колокольчиков».*

(Стихи приводятся в первоначальной редакции. Позднее автор кое-что в них изменил. — А. Т.)

Я сказал, что ему надо поскорее ехать с гитарой в Москву и Ленинград: песни там примут «на ура»... Башлачев слушал это все с детским, обрадованно-недоверчивым выражением лица. Леня Парфенов не без иронии его подбадривал... Спустя пару лет Саша рассказал мне, что возвращался домой той глухой ночью, распевая песни, подпрыгивая и танцуя — как в кино иногда показывают очень счастливых людей.

С тех пор в Череповце я не был ни разу, но часто вспоминал эти места, задаваясь вопросом: этот ли «глубинный», бедный и в то же время немного идиллический русский Север сформировал творчество Башлачева? Думаю, что повлиял, несомненно. Но нельзя сказать, что он «весь оттуда» — как, скажем, «певец края» Николай Рубцов. К творчеству Рубцова и вообще всему «северному» пафосу он относился очень спокойно и никогда, по крайней мере в моем присутствии, не выказывал гордости за свое «глубиночное» — в противовес «гнилым» столицам — происхождение. Более того, мне кажется, что ему было очень скучно, даже тягостно на своей «малой родине», В последние три года жизни ему фактически было негде жить — но лишь в самых отчаянных, тупиковых ситуациях он ехал домой, в Череповец или деревню Улома, да и то не выдерживал там подолгу. Хотя мать и сестру очень любил.

Итак, спустя несколько недель он приехал в Москву, остановился у меня, и каждый вечер мы шли к кому-нибудь в гости, где Саша Башлачев давал концерт. Его самое первое московское выступление состоялось на старой арбатской квартире Сергея Рыженко, бывшего скрипача «Последнего шанса» и «Машины времени», замечательно талантливого парня. Саша привез несколько новых песен: две большущие бытовые баллады, доводившие слушателей до истерического хохота, и четыре серьезные вещи, в разной тональности и с разных точек зрения говорившие об одном и том же:

*«Если забредет кто нездешний —  
Поразится живности бедной,  
Нашей редкой силе сердешной,*

*Да дури нашей злой — заповедной.  
Выкатим кадушку капусты,  
Выпечем ватрушку без теста.  
Что, снаружи все еще пусто?  
А внутри по-прежнему тесно...  
Вот и посмеемся простуженно.  
А об чем смеяться — не важно.  
Если по утрам очень скучно,  
То по вечерам очень страшно.  
Всемером ютимся на стуле,  
Всем миром — на нары-полати.  
Спи, дитя мое, люли-люли!  
Некому березу заломати».*

Были еще «Зимняя сказка», «Прямая дорога» и «Лихо». «Лихо» он пел еще злее и азартнее, чем «Время колокольчиков», а играл так быстро, как только успевал менять положение пальцев, беря аккорды. Эта песня так и осталась самым «яростным» из его сочинений.

*«Ставили артелью— замело метелью.  
Водки на неделю — да на год похмелья.  
Штопали на теле. К ребрам пришивали.  
Ровно год потели, да ровно час жевали».*

Это лишь один из девяти куплетов. Остальные не хуже. Удивительно, как много он успевал писать. Однажды, в этот первый приезд, я посоветовал ему пойти к Александру Градскому, исполнителю замечательного цикла «Русские песни», и спеть ему «Колокольчики» и «Лихо». На Башлачева встреча, кажется, большого впечатления не произвела. Строго говоря, метр выдворил его восвояси минут через двадцать. Я позвонил Градскому узнать его мнение. Тот начал, естественно, с того, что и играть и петь парень совершенно не умеет... Но стихи хорошие! «Трудолюбивый малый, — сказал Градский. — Я представляю себе, как он подолгу сидит над каждой строчкой. Работа со словом, конечно, ювелирная» — «Насколько я знаю, он пишет все очень быстро...» — «Да ладно тебе! Быть не может. Тогда он просто гений». — И Градский от души расхохотался в трубку... Хотя был недалеко от истины.

Башлачев говорил, что песни буквально «осеяли» его, да так внезапно подчас, что он едва успевал их записывать на бумагу. Более того: смысл некоторых образов, метафор, аллегорий бывал ему самому не сразу понятен — и он продолжал расшифровывать их для себя спустя месяцы после написания.

Московский дебют прошел триумфально. Башлачев поехал в Ленинград, где тоже имел успех. Оттуда в Череповец — но только для того, чтобы уволиться из газеты и попрощаться с родственниками.

Песни Саши Башлачева становились все лучше. В свое второе московское турне — где-то в январе — феврале 85-го — он привез «Мельницу», «Дым коромыслом», «Спроси, звезда» и «Ржавую воду». Спустя еще пару месяцев — «Абсолютный вахтер» и «Все от винта!». «Вахтер» — самая «лобовая», «политическая» песня Башлачева. Когда он ее исполнял, всех просили

выключить магнитофоны: боялись стукачей. Эта песня об ужасе тоталитаризма.

Впрочем, не от боязни «засветиться», а по совсем другой причине Башлачев очень редко пел «Абсолютного вахтера». По этой же причине он вскоре почти перестал исполнять сатирические «Подвиг разведчика» и «Слет-симпозиум», несмотря на их популярность. Дело в том, что политика, быт, все «приземленные» материи интересовали его все меньше — и в жизни, и в стихах. «Надоело ерничество... Глупость это все», — говорил он. Медленно, но верно из его песен «выдавливались» два качества: ирония и бытовая конкретность...

Лето — осень 85-го. Мне кажется, это был пик его вдохновения. Сначала он написал «Посошок» — похоже, самую любимую свою песню, увенчанную печальной формулой, применимой и к нему самому, — «Ведь святых на Руси только знай выноси»... Затем впервые исполнил загадочную былинку о Егоре Ермолаевиче, завораживающую, темную, не похожую ни на что. Наконец, «Ванюша», OPUS MAGNUM Башлачева. Это песня, точнее, маленькая былина, не столь эффектная с точки зрения стихосложения, но наделенная исключительной силой. Ее воздействие на слушателей точно определяется словом «катарсис». Он совершенно забывался, как и все мы, кто его слушал, и лишь когда заканчивалась песня, видели, что вся гитара в брызгах крови. Он раздирал пальцы. Это банальная метафора, но он действительно раздирал и всю свою душу. Это могло бы быть страшно — как все, что происходит за гранью человеческого напряжения, — если бы не было так свято и возвышенно. «Ванюша» — это песня о русской душе. К сожалению, когда говоришь, о чем песни Башлачева, часто приходится прибегать к «пафосным», девальвированным едва ли не до уровня кича понятиям, вроде «русская душа», «вера и надежда», «любовь и смерть», «духовная сила»... Конечно, это не Сашина вина. Напротив, он один из немногих, кто взял на себя смелость и сказал в роке истинное слово об этих вечных, но затертых ценностях.

Примерно об этом еще одна его песня, написанная тогда же, «На жизнь поэтов». Песня о нем самом и его судьбе:

*«Пусть не ко двору эти ангелы — чернорабочие.  
Прорвется к перу то, что долго рубить топорам.  
Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия.  
К ним Бог на порог — но они верно имут свой срам...»*

Башлачев выслушивал десятки, сотни восторженных комплиментов, и не только от полуподпольных богемянцев, но и из уст знаменитых поэтов, влиятельных литературных критиков, секретарей творческих союзов «Пусть никто не топчет Ваше небо», — надписал Саше свою книгу «Прорабы духа» Андрей Вознесенский, перефразировав строчку из «Лиха» — «Вытоптали поле, засевая небо»...

Что ж, небо его, пожалуй, никто и не топтал, порхать пташкой божьей не запрещалось. Никто не клеймил его, как «идеологического диверсанта», «хулигана с гитарой», «опасного клерикала» и т. п. Кстати, почти наверняка, выйди он «в свет» на год-полтора раньше — быть бы ему арестованным за «нелегально-концертную» деятельность.

Все «престижные» выступления Саши Башлачева имели своей главной целью помочь ему хоть как-то зацепиться за мало-мальски «официальную» культуру — скажем, напечатать

стихотворение в прессе или получить заказ на песни для спектакля. Это означало бы и доступ к более широкой аудитории, и определенную степень защищенности — гражданской и материальной. Не могу сказать, что Башлачев воцелился официального признания, однако и своим «подпольным» уделом он вовсе не кичился. Общественный и художественный статус просто не был для него «кардинальным вопросом», но надежда на какое-то движение, новые возможности была.

Однако сбыться ей не было суждено. Шли концерты — в том числе и в «Литгазете», и в Театре на Таганке, — а Башлачев так и оставался «не ко двору».

...В Сибири ему страшно понравилось: он говорил, что ощутил там невероятный прилив «позитивной» энергии и радости. Той же осенью в Свердловске у него родился сын. Саша сочинил множество песен в эту пору — «В чистом поле», «Тесто», «Верка, Надька и Любка», «Как ветра осенние», «Случай в Сибири» и другие, всего примерно десять. Светлые, исполненные надежды, даже умиротворенные — настолько, насколько Башлачев вообще мог быть умиротворенным. Короче, песни о любви. Он говорил, что самую нежную из них, «Сядем рядом», написал после того, как однажды ночью ему приснилась девушка: «Я знаю, что это была сама любовь»... Тогда же он написал триптих — посвящение Высоцкому — еще одну песню о поэтах, заканчивающуюся словами: «Быть — не быть? В чем вопрос, если быть не могло по-другому».

В январе сын умер. Весной 86-го Саша Башлачев написал последние известные нам песни. Их четыре: «Когда мы вместе», «Имя имен», «Вечный пост», «Пляши в огне». В это время Башлачев увлекся магией русских слов: он искал их корни, созвучия и через них — истинный, потаенный смысл речи. Все его последние песни — удивительная игра слов, но не формальная, а совершенно одухотворенная.

*«Имя имен*

*Да не отмоешься, если вся кровь —*

*Да как с гуся беда и разбито корыто.*

*Вместо икон*

*Станут страшным судом по себе нас судить зеркала.*

*Имя имен*

*Вырвет с корнем все то, что до срока зарыто*

*В сито времен*

*Бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла».*

Можно сказать, что это религиозные песни, хотя в них нет ни грамма церковного догматизма. «...И куполам не накинуть на Имя Имен золотую горящую шапку». В песнях Саши Башлачева есть настоящая духовная сила. Хотя, я уверен, его и здесь бы сочли еретиком.

*«Засучи мне, Господи, рукава!*

*Подари мне посох на верный путь!*

*Я пойду смотреть, как твоя вдова*

*В кулаке скрутила сухую грудь*

.....

*Завяжи мой влас песней на ветру!*

*Положи ей властью на имена!*

*Я пойду смотреть как твою сестру  
Кроют сваты втемную в три бревна.  
Как венчают в сраме, приняв пинком.  
Синяком суди да ряди в ремни.  
Но сегодня вечером я тайком  
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.  
Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь.  
Коротки причастия на Руси.  
Не суди ты нас! На Руси любовь  
Испокон сродни всякой ереси.  
Испокон сродни черной ереси».*



Одно время казалось, что Саша Башлачев совсем отошел от рока, даже несколько тяготился им, найдя свой новый, «русский» образ. Однако эти две песни построены на великолепном, упругом ритме. Ох, как хотелось их записать как следует! Как, впрочем, и все остальное. То, что Башлачев всегда пел просто под гитару, вовсе не значит, что ничего другого ему не хотелось. Наоборот, он все годы мечтал об ансамбле, где были бы всевозможные инструменты — от сэмплеров до ложек. Придумывал даже название для группы: «Вторая столица», «Застава»... Ничего из этого не вышло. Музыканты ленинградского рок-клуба, да и многие московские, свердловские и новосибирские Башлачева знали, любили, но играть с ним так и не собрались. Помню только замечательную

инсценировку «Егоркиной былины», что они разыгрывали втроем со Славой Задерием и Костей Кинчевым. Сашины песни никогда не прозвучали так, как он сам их слышал: с гармонью и военным оркестром, электрогитарой и раскатами грома... Да и обычные, «гитарные» записи — а их к тому времени было сделано в студийных условиях четыре — совсем не так хороши, как хотелось бы.

Потом он уехал путешествовать — сначала домой, потом в Среднюю Азию... Исчез, и очень надолго. Никто из знакомых ничего о нем толком не слышал.

Он позвонил в декабре. Сначала я не понял, что с ним произошло. Он был, как никогда» спокойным, даже чуточку вялым, очень молчаливым. Он говорил, что много пережил за эти месяцы, одумался и очистился. Естественно, мне не хотелось задавать вопрос, которого и он, видимо, с болью ждал: «Что нового написал?»

Ничего. Он сказал, что не может больше писать песен. Что не может даже исполнять старые. «Вот так, не могу, и все», — отвечал он нехотя, глядя куда-то вниз. В будущем — может быть, но пока... «Я не должен этого делать». Я не стал его расспрашивать — это было бы жестоко и не по-дружески. Скорее всего, дело в том, что последние два года (те самые всего-навсего два года, за которые он написал практически все свои песни!) он жил в таком нечеловеческом

напряжении творческих сил, чувств и нервов, что их истощение не могло не наступить. Он отдал слишком много и слишком быстро.

Он не хотел петь свои старые песни, поскольку знал, что не сможет сделать это так, как раньше. Так, как надо. Однако ему пришлось нарушить обет молчания. Чтобы выжить, физически выжить, он должен был что-то делать. А что еще, как не петь? Да и все вокруг ожидали от него песен — так он поддерживал себя в кругу друзей и знакомых. Так он впервые выступил на ленинградском рок-фестивале... Конечно, он чувствовал, что все это уже «не то»: раньше им искренне восторгались, теперь, скорее, подбадривали. И у всех на языке вертелся вопрос: нет ли чего новенького? А ему по-прежнему не писалось, хотя он и уверял, что в голове «что-то крутится»...

Две песни написаны в последний год — «Архипелаг гуляк», от которой не осталось ни записи, ни даже слов, и «Когда мы вдвоем»

*«Я проклят собой  
Осиновым колом — в живое  
Живое восстало в груди —  
Все в царапинах да в бубенцах.  
Имеющий душу — да дышит. Гори — не губи...  
Сожженной губой я шепчу,  
Что, мол, я сгоряча, я в сердцах —  
А в сердцах-то я весь!  
И каждое бьется об лед, но поет.  
Так любое бери и люби.  
Не держись моя жизнь —  
Смертью вряд ли измерить.  
И я пропаду ни за грош.  
Потому что и мне ближе к телу сума.  
Так проще знать честь.  
И мне пора —  
Мне пора уходить следом песни,  
которой ты веришь.  
Увидимся утром.  
Тогда ты поймешь все сама».*

17 февраля 1988 года, в середине дня, он выбросился из окна ленинградской квартиры на проспекте Кузнецова. Потом в зале рок-клуба был большой концерт его памяти и поминки в красном уголке. Приехали музыканты из разных городов, мать, отец и сестра из Череповца. Похоронили Сашу Башлачева на огромном Ковалевском кладбище, к северу от города. При том, что народу повсюду было очень много, тишина стояла полная. Не было ни речей, ни причитаний о «молодости» и «безвременности», ни даже плача в голос. Вплоть до самого опускания гроба. Это молчание говорило о многом. В первую очередь о тяжелейшем чувстве вины. Наверное, каждый здесь мог бы чем-то помочь Саше Башлачеву, пока было не поздно, но не сделал этого.

Но было и другое общее чувство, что усиливало сцену молчания: чувство неотвратимости этой



трагедии. Оно не то, чтобы успокаивало, скорее, переводило трагедию смерти Саши Башлачева из чисто «жизненной» в иную, более философскую плоскость. «Не верьте концу. Но не ждите иного расклада», — пел он в песне о Поэтах, о себе подобных. Он был таким, какие, как правило, долго не живут, сознательно жил так, что было трудно выжить. И смерть свою предсказал во многих песнях. Печально то, что все осознали это абсолютно отчетливо лишь задним числом. А до того жизнь его, особенно последние полтора года, была тихим адом.

Печально и то, что лишь задним числом и с изрядной долей лицемерия вспомнили о Башлачеве наши «официальные» культурные инстанции. После смерти были напечатаны его стихи, выходит пластинка. При жизни не было поддержки никогда и ни в чем. Поминая нелегкую жизнь Владимира Высоцкого, во всем винят эпоху застоя и ее трусливых функционеров. А у Башлачева, человека не меньшего таланта, судьба сложилась еще тяжелее, и погиб он на третьем году «эры гласности».

Да, он был человеком, склонным к эмоциональному и психическому «самосожжению», но разве благородно делать скидки на «злой рок», довлеющий над гениями? Разве может считаться истинно гуманной система, не поддерживающая своих безоглядных, «проклятых собою» Поэтов, не дающая им шанса выжить? Саша Башлачев ушел, не оставив ни малейшего следа в величественных коридорах Большой Советской культуры. Что отчасти справедливо: это был не его уровень.

...Зимней ночью мы шли к платформе Переделкино, в надежде на последнюю электричку, и Саша рассказывал мне о переселении душ. Он сказал, что точно знает, кем был в прошлой жизни, и что это было очень страшно. «Давно? — любопытствовал я, — в средневековье?» — «Нет, — ответил он, — недавно». — «Интересно. — я стал рассуждать о делах, в которые, строго говоря, не очень-то верил, — почему, по какой команде душа вселяется в очередное тело?» — «Я знаю, как это происходит. — сказал Башлачев, — душа начинает заново маяться на земле, как только о ее предыдущей жизни все забыли. Души держит на небесах энергия памяти».

Артемий ТРОИЦКИЙ  
Фото Георгия МОЛИТВИНА  
"Огонёк" №20'1989